

ЧТЕНИЯ «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ», ПОСВЯЩЕННЫЕ 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.И. МАКСИМОВОЙ (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2015 г.)

19–20 ноября 2015 г. в Институте истории материальной культуры РАН состоялись Чтения «Культура и искусство античного Причерноморья», организованные Отделом истории античной культуры. Они были посвящены 130-летию со дня рождения выдающегося исследователя классических древностей Марии Ивановны Максимовой (1885–1974). В Чтениях приняли участие более 50 археологов и антиковедов из различных городов России: Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара, Нижнего Новгорода, Саратова, Севастополя, а также исследователи из Украины и Германии. Всего было представлено и обсуждено 25 докладов, посвященных различным аспектам изучения античного Причерноморья.

Чтения открыл с приветствием и вступительным словом директор ИИМК РАН *В.А. Лапшин*. Далее с приветственным словом выступили зав. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН *В.А. Горончаровский* и председатель утреннего заседания *А.А. Масленников* (Москва, ИА РАН).

Первым был заслушан доклад *Ю.А. Виноградова* (ИИМК РАН) «Мария Ивановна Максимова. Путь российского ученого». Автор доклада отметил, что М.И. Максимова являлась представительницей того замечательного поколения ученых, которые заложили фундамент современной отечественной науки об античной культуре Причерноморья. Она родилась в богатой петербургской купеческой семье. После окончания гимназии поступила на историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, где обучалась по циклу древней истории. Ее учителями были М.И. Ростовцев и Ф.Ф. Зелинский. Затем М.И. Максимова продолжила обучение в университетах Бонна и Берлина. Вернувшись в Россию в 1914 г., была принята в отдел древностей Эрмитажа. Диссертация магистра истории и теории искусств «Античные фигурные вазы» была защищена ею в 1918 г. Помимо Государственного Эрмитажа М.И. Максимова стала сотрудницей ГАИМК (затем ИИМК, ЛОИА АН СССР вплоть до 1966 г.), ЛГУ и др. В 1930-е годы на долю исследовательницы выпало немало испытаний: несправедливые обвинения (в пропаганде монархических идей и пр.) и, как следствие этого, – потеря работы. Ей пришлось пережить первую блокадную зиму Ленинграда. Знания М.И. Максимовой в области классических древностей были по-настоящему энциклопедическими. Ее монография «Античные города Юго-Восточного Причерноморья» (М.– Л., 1956) продемонстрировала подлинный синтез исторических и археологических знаний. Еще одна ее книга «Артюховский курган» (Л., 1979) стала настольной для всех, кто занимается курганными комплексами Боспора. Перевод «Анабасиса» Ксенофонта, подготовленный исследовательницей в Елабуге за несколько военных лет, проведенных в эвакуации, стал классическим в нашей стране. Нелегкий жизненный путь М.И. Максимовой является образцом подлинного и бескорыстного служения научной истине.

И.В. Тункина (Санкт-Петербург, Научный архив РАН) в докладе «М.И. Максимова: парижские письма М.И. Ростовцеву (август 1928 г.)» впервые в полном виде представила два письма М.И. Максимовой своему учителю, датированные августом 1928 г. Написанные во время заграничной командировки в Париж без оглядки на возможную перлюстрацию, они откровенно характеризуют морально-нравственную атмосферу и научный климат, сложившийся в академических учреждениях Ленинграда за первое послереволюционное десятилетие. Это делает письма, хранящиеся в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (г. Дарем, Северная Каролина, США), важным источником по социальной истории отечественного антиковедения. *Ф.Р. Балонов* (Государственный Эрмитаж) сделал небольшое сообщение на тему: «Skifius, он же Skyron, старший из сыновей

Посейдона, у причерноморских скифов». В докладе *Д. В. Журавлева* (Москва, ГИМ) и *Д. А. Костромичева* (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический») «Об одном богатом погребении Херсонесского некрополя (урна 53 из раскопок Р. Х. Лёпера 1912 г.)» подчеркивалось, что погребальные комплексы из раскопок некрополя Херсонеса конца XIX – начала XX в. не часто становились объектами специальных публикаций. Основная причина этого – неудовлетворительное состояние полевой документации. Примером работы по воссозданию с помощью дневников Р. Х. Лёпера набора погребального инвентаря, хранящегося в разных музеях, является кремация в урне 53, обнаруженная в 1912 г. Здесь были найдены золотые украшения (витая серьга с окончанием в виде львиной головы, перстень с гладким щитком, подвеска в форме палицы Геракла, низка биконических бус), а также бронзовые гвозди, гипсовые позолоченные накладки и фрагмент лекифа. Вокруг урны, на уровне ручек, находились терракотовые статуэтки: четыре стоящие женские фигуры танагрского круга, протома Танатоса и фигурка девочки, сидящей на алтаре. Это погребение датируется первой половиной III в. до н.э. и является одним из самых богатых комплексов херсонесского некрополя.

Совместный доклад *А. В. Буйских* (Киев, Институт археологии НАНУ) и *Й. Форназира* (Франкфурт-на-Майне, Goethe-Universität Frankfurt am Main) «Новые исследования в предместье Ольвии» был посвящен результатам работ украинско-немецкой археологической экспедиции. В ее состав входили также геофизики и геохимики, чтобы с помощью естественнонаучных методов получить новые данные об одном из важных районов античного города. Образец самой ранней застройки на исследуемой площади – овальная полуземлянка VI в. до н.э. Со второй половины следующего столетия в предместье Ольвии, вдоль западной улицы, появились наземные постройки, в которых зафиксированы следы ремесленного производства. В докладе *М. В. Скржинской* (Киев, Институт истории НАНУ) «Произведения монументального и прикладного искусства в качестве наград для граждан античных государств Северного Причерноморья» были рассмотрены, прежде всего, постаменты статуй и украшенные рельефами стелы с почетными декретами за различные услуги государству. Среди множества золотых венков, найденных в некрополях Боспора, в докладе были выделены несколько изделий IV в. до н.э., служивших наградами при жизни погребенных. Особую группу составляют спортивные призы: две панафинейские амфоры и бронзовая гидрия с праздника Диоскуров близ Афин, а также изображения победных теней и наградных венков в погребальных комплексах.

В сообщении *С. В. Кашаева* (ИИМК РАН) «Гемма (инталия) из некрополя Артющенко-2» был представлен найденный Таманским отрядом ИИМК РАН в 2014 г. скарабеоид из прозрачного горного хрусталя. На его плоской поверхности искусно вырезано изображение сидящей на камне женщины, которое по стилю относится ко второй половине V – началу IV в. до н.э. Оно может быть связано с мастерской Дексамена или выполнено одним из учеников известного мастера. *О. Ю. Соколова* (Государственный Эрмитаж) в докладе «Изделия из кости и рога из раскопок Нимфея» рассмотрела коллекцию костяных изделий (325 экз.), хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Многочисленные находки заготовок в виде отпиленных рогов оленя или коровы, а также обработанных трубчатых костей животных могут служить доказательством развития косторезного ремесла в Нимфее. Среди изделий, найденных преимущественно в слоях эллинистического и римского времени, выделяется группа предметов, которые можно определить как инструменты для обработки кожи, поверхности каменных и глиняных изделий, нанесения орнамента на сосуды (рашпили, костяные стержни или проколки, иглы, шилья и т.д.). Часть из них связана с прядением и ткацким ремеслом – фрагменты веретен, пряслица, зубчатые орудия (чесала?). Особый интерес представляют фигурные пластинки для инкрустации и отделки поверхности шкапулок, ларцов и предметов мебели. Отмечено также наличие разнообразных украшений в виде бус, пронизок, колец, шпилек для волос, амулетов, а также фрагментов пиксид, деталей музыкальных инструментов и игральных костей-астрагалов.

Я. С. Радолицкая (Государственный Эрмитаж) посвятила свой доклад «Эрмитажное золото из кургана Куль-Оба в рисунках и гравюрах XIX в.: история, особенности воспроизведения, лакуны и перспективы изучения» нефотографическим изображениям золотых изделий из рассматриваемого комплекса. Уже в первые годы после открытия кургана практически все они оказались зарисованы, причем многие неоднократно. Эти изображения демонстрируют различные представления о том, как следует отображать археологический материал: от реконструкции первоначального целостного вида вещей без каких-либо повреждений и утрат до фиксации реального состояния артефакта со всеми конструктивными и декоративными особенностями. В результате многие сделанные тогда воспроизведения предметов погребального инвентаря и по сей день являются единственной попыткой представить, какими эти вещи вышли из мастерской ювелира. В ряде случаев зафиксирован облик артефактов после реставрационных вмешательств второй половины XIX в., что актуально при изучении как самих вещей, так и в отношении истории археологической науки в России. *Е. А. Молев*

(Нижегородский университет) в докладе «К вопросу о вероятности подчинения Боспора Персии» отметил, что в соответствии с контекстом «Истории» Геродота (Hdt III. 97) границы распространения власти персов простирались на север до Кавказского хребта. Попытки истолковать данный фрагмент в том смысле, что Боспор был подчинен персам (В.П. Яйленко, Г.Р. Цецхладзе и др.) несостоятельны.

А.А. Силицын (СПб., Русская христианская гуманитарная академия) в докладе «Античный вариант глобализации и греческий опыт мифологического осмысления пространства» подчеркнул, что, по его мнению, этногеографический аспект мифических историй – «заморский» колорит, чудища, экзотическая небывальщина – давал античной аудитории ощущение реальной дальности описываемых стран и народов. Знакомство с иными мирами содействовало самоопределению эллинов, их отграничению от культурно чуждых соседей, с одной стороны, а с другой – позволяло грекам обрести ощущение широты пространства. В совместном докладе «Курган Кулаковского по материалам Государственного Эрмитажа» *С.Г. Колтухов* (Симферополь, Институт археологии Крыма) и *С.Н. Сенаторов* (Государственный Эрмитаж) обратились к характеристике скифского воинского погребения, раскопанного в 1895 г. в юго-западной части Симферопольского уезда. Оно было впущено в курган эпохи бронзы. Погребенный находился в вытянутом положении головой на восток. Погребальный инвентарь представлен железными мечом и наконечником копья, каменным оселком, бронзовыми и костяными наконечниками стрел, лежавшими с левой стороны от костяка. С правой стороны лежали две бронзовые бляхи в виде свернувшихся хищников, а также украшенный в зверином стиле бронзовый топорик–скипетр на деревянной рукоятке – символ воинской власти. Судя по предметам вооружения, погребение скифского воина датируется последней третью VI – первой третью V в. до н.э.

И.Ю. Шауб (ИИМК РАН) в докладе «Золотая диадема из Артюховского кургана» проанализировал ее сходство с таким же боспорским украшением (ныне хранится в Мюнхене), датируемым ок. 300 г. до н.э., а также с рядом средиземноморских диадем III в. до н.э., и пришел к выводу, что ее нельзя считать синхронной погребению, т.е. отнести к третьей четверти II в. до н.э. Вероятно, как и другие более ранние вещи из Артюховского кургана (зеркало IV в. до н.э. с изображением Скиллы и пр.), диадема долго служила в качестве ритуального головного убора, прежде чем стать предметом погребального инвентаря местной эллинизированной жрицы. Причем можно с уверенностью предполагать, что, подобно аналогичным сакральным украшениям Боспора (мюнхенская диадема), Скифии («калафы») и Сарматии (диадема из кургана Хохлач), артюховская диадема подверглась переделке отнюдь не случайно, а в соответствии с духовными потребностями заказчиков. *С.Ю. Монахов* (Саратовский государственный университет) в докладе «Амфорный комплекс из усадьбы У7 поселения Панское-I в Крыму» представил полную сводку соответствующих находок из раскопок Тарханкутской экспедиции ЛОИА АН СССР в конце 1970-х – начале 1990-х годов под руководством А.Н. Щеглова. Комплекс включает материалы двух строительных периодов: херсонесской усадьбы конца IV – начала III в. до н.э. и предшествующего ему четырехбашенного форта первых трех четвертей IV в. В докладе проанализированы выборки керамической тары разных центров производства, в том числе впервые выделяемые образцы амфор западнопонтийского происхождения, ранее не известные мендейские сосуды и др., а также приведены статистические данные по всем 16 домохозяйствам У7. *Е.В. Кузнецова* и *Н.Б. Чурекова* (Саратовский государственный университет) в совместном докладе «Опыт создания каталога целых амфорных форм по материалам Керченского музея-заповедника: предварительные результаты» рассказали о коллективном проекте по изучению целых образцов керамической тары VI–III вв. до н.э., хранящихся в музеях Крыма. В настоящее время ведется работа над каталогом амфор из фондов Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. В нем будут представлены чертежи и фотографии сосудов, краткое их описание, датировка, описание клейм (при наличии), аналогии и т.д.

Т.В. Олейник (Харьковский национальный университет) в докладе «Еще раз к вопросу о методике описания античных каменных кладок Северного Причерноморья в связи с проблемами реставрации ископаемых строительных остатков» показала актуальность использования существующей в науке системы описания античных кладок и попыталась адаптировать и унифицировать эту систему при работе на различных памятниках. В докладе *О.П. Дорошко* (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический») «Оконное стекло римского времени из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи» рассматривалась чрезвычайно редкая для античного Причерноморья группа археологического материала. До недавнего времени считалось, что оконное стекло изготавливали в Херсонесе с конца III в. н.э. Однако самые ранние мастерские, в которых его производили, следует относить ко времени не ранее середины V в. Серединой II – первой половиной III в. н.э. датируется только привозная продукция такого рода. Она была найдена в Херсонесе («цитадель», термы), на высоте Суздальская и в Балаклаве. Все перечисленные объекты связаны с присутствием римских военнослужащих в регионе. Доклад *В.В. Дорошко* (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»)

«Бронзовые фигурные атташи римского времени из раскопок Херсонеса Таврического» был посвящен бронзовым рельефным атташам, украшавшим нижние части ручек сосудов закрытого типа. Среди других деталей бронзовой посуды из раскопок городища и его некрополя они отличаются изяществом художественного исполнения. Первый из них был найден К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Он имеет сердцевидную форму, в которую вписано рельефное изображение идущего крылатого Эрота в образе вакханта. Второй атташ обнаружен М.И. Золотаревым в 2003 г. в помещении 10 ХСVII квартала. На нем помещен детально проработанный рельефный лик горгоны Медузы. Подобный атташ присутствует и на известной бронзовой ойнохое из склепа 1014, раскопанного в 1899 г. Сосуды с аналогичными сюжетами традиционно относят к производству италийских мастерских раннеримского времени. В целом эти и другие находки указывают на постоянный приток бронзовой посуды в Херсонес в I–II вв. н.э.

Е.Г. Застрожная (СПб., Научный архив РАН) в докладе «Архитектурные детали и фрагменты из раскопок Фанагории в XIX в.» отметила, что подобные находки при раскопках античных городов Азиатского Боспора крайне редки. Между тем эта группа археологического материала очень важна для воссоздания внешнего облика города. Особый интерес представляют архитектурные фрагменты и детали из раскопок К.К. Гёрца в 1859 г. и И.Е. Забелина в 1869–1872 гг. Их публикация и логическое объединение с данными современных исследований позволяют дополнить результаты уже более чем двухвекового изучения Фанагории. Доклад *М.И. Тюрина* (Национальный заповедник «Херсонес Таврический») «Материалы из цистерны 1950 г. в XIX квартале Херсонеса и вопросы хронологии города позднеэллинистического периода» был посвящен анализу группы находок, хранящихся в фондах музея-заповедника и до настоящего времени не введенных в научный оборот. Была опубликована только происходящая из засыпи цистерны, раскопанной в 1950 г., литейная форма для изготовления серьги и подвески, выполненная из распиленной ручки родосской амфоры. Помимо этого здесь присутствовали амфоры Херсонеса, Синопы, Родоса, Коса, Книда и других центров; столовая, кухонная и чернолаковая керамика, фрагменты рельефных чаш, светильник, керамические грузила. Особое значение имеет коллекция амфорных клейм, ревизия которых позволила уточнить датировку комплекса. Наиболее поздние из них не выходят за пределы середины II в. до н.э. Следовательно образование засыпи цистерны следует датировать серединой – третьей четвертью этого столетия.

В.А. Горончаровский (ИИМК РАН) в докладе «Элитное погребение в Семибратнем кургане № 6: к интерпретации комплекса» проанализировал находки из царского синдского кургана конца V в. до н.э., среди которых отмечены предметы, характерные для синхронных женских и мужских погребений Таманского полуострова. Автор пришел к выводу, что единственной возможностью примирить эти факты является признание существования среди элиты синдского общества, как и у скифов, традиции энарейства («женской болезни»), связанного с культом Великой богини.

Тема доклада *А.В. Иванова* (Краснодар, ЮРЦАИ) – «Племена региона Анапа–Новороссийск и меоты. Сопоставление». Автор отметил, что под термином «меоты» он понимает меотскую археологическую культуру, в отличие от племен Черноморского побережья, т.е. синдов, торетов и керкетов, которых античные авторы то включают в состав меотов, то противопоставляют им. Если отбросить «этническую» составляющую и оперировать собственно археологическим материалом, можно прийти к выводу об очевидном своеобразии культуры племен региона Анапы–Новороссийска, которая рассматривается автором как некое единое целое. *Н.Ю. Лимберис* и *И.И. Марченко* (Краснодарский университет) в совместном докладе «Греческая керамика из могильника Старокорсунского городища № 2» представили результаты исследования материалов из погребения 652з. Кроме амфорной тары, лепной и сероглиняной керамики местного производства здесь присутствовали образцы чернолаковой посуды IV в. до н.э., в том числе уникальный для меотского памятника парфюмерный сосуд, а также стеклянная чаша, имеющая аналогии в Македонии. Происходящие из погребения две книдские амфоры датируются второй – третьей четвертью IV в. до н.э., а амфора Пепарета – первой половиной того же столетия. Совокупная датировка амфор и чернолаковой керамики позволяет ограничить дату погребения второй четвертью IV в. до н.э.

С.В. Ушаков (Севастополь, Институт археологии Крыма) и *Е.В. Струкова* (Национальный заповедник «Херсонес Таврический») в докладе «Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы» проанализировали недавно обнаруженные в районе квартала ХСVII и базилики «Крузе» находки V – середины VI в.: амфоры 10 типов, краснолаковую керамику понтийской позднееримской группы, образцы фокейской и херсонесской сигилляты, монеты. Они связаны с комплексами, появившимися в ходе перестроек, которые предположительно можно связать со строительной деятельностью императоров Зенона (488 г.) и Юстиниана I (середина VI в.). Данные материалы позволяют говорить, с одной стороны, о включении Херсонеса в систему экономических связей Восточного Средиземноморья и Причерноморья, с другой – о континуитете материальной культуры

(прежде всего керамического комплекса) этого времени. *В.А. Нессель* (Национальный заповедник «Херсонес Таврический») в докладе «Краснолаковая керамика из раскопок укрепленного поселения на Маячном полуострове («Страбонов Херсонес»)» подчеркнула, что среди керамических находок из остатков строительного комплекса первых веков н.э. на перешейке Маячного полуострова наиболее репрезентативной группой является краснолаковая керамика. Она представлена различными формами сосудов, относящихся к понтийской сигиллате. На основании их анализа можно установить время существования данного комплекса: начало II – первая половина III в.н.э. Этот факт ставит под сомнение выдвигавшееся ранее мнение об окончательном оставлении территории древнего поселения во II в. до н.э.

При подведении итогов Чтений была дана оценка сделанных докладов, отмечено разнообразие их тематики, активность и заинтересованность участников во время обсуждения. Многие из выступавших указали на необходимость продолжения такого рода тематических встреч, позволяющих ученым из разных стран и научных центров наладить контакты между собой для научного сотрудничества и обмена новыми идеями.

Vladimir A. Goroncharovskiy,
goronvladimir@yandex.ru
Sergey V. Kashaev,
kashaevs@mail.ru
Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Горончаровский В.А., Кашаев С.В.,
Институт истории материальной
культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Vestnik drevney istorii
76/4 (2016), 1057–1063
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/4 (2016), 1057–1063
© Автор(ы) 2016

III АВТОРСКО-ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АЛЬМАНАХА «ANTIQUITAS AETERNA» (Нижний Новгород, 4–6 февраля 2016 г.)

4–6 февраля 2016 г. в Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского состоялась третья авторско-читательская конференция альманаха «Antiquitas aeterna». Организованная в статусе Всероссийской конференции с международным участием, она была посвящена теме «Феноменология античного духа: актуальные проблемы классической литературы, философии, мифологии, религии и искусства» и ее программа была нацелена на то, чтобы рассмотреть античную культуру как целостный и многогранный феномен в самых разнообразных ее проявлениях и восприятиях в последующие эпохи. На двух пленарных и семи секционных заседаниях прозвучали 38 докладов, представленных как ведущими специалистами из институтов РАН и университетов России, так и начинающими исследователями. Докладчиками был поднят широкий спектр вопросов, касающихся своеобразия греко-римской цивилизации, ее влияния на культуры соседних народов, интерпретации археологических памятников и артефактов, культурной политики и политической культуры в античном мире, истории античных философских школ и их влияния на современную философию, рецепции античных образов в современном изобразительном искусстве, литературе, музыке, кинематографе.

Конференцию открыл приветственным словом директор ИМОИ профессор *М.И. Рыхтик*, отметивший значимость фундаментальных конкретно-исторических и междисциплинарных исследований в области антиковедения для развития гуманитарных наук в ННГУ как национальном исследовательском университете, стремящемся интегрироваться в мировое научно-образовательное пространство. *А.А. Синецын* (Саратов/Санкт-Петербург) во вступительном слове «Здесь древний дух...: конференция, посвященная античности как культурному феномену» подчеркнул актуальность